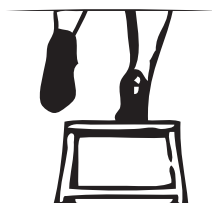

Библиотека Анархизма

Антикопирайт

1 июля 2014

Эрих Мюзам

К естествознанию избирателя

Эрих Мюзам

К естествознанию избирателя

1907

Zur Naturgeschichte des Wählers; Из: Die Fackel, № 223-224, 1907

Сохранено 1 июля 2014 года из <http://aitrus.info/node/199>

1907

Выборы в парламент (в соответствии с всеобщим, равным, тайным и прямым избирательным правом) рассматриваются, как правило, как барометр умонастроений. Вошло в привычку считать, что подсчитанное большинство отражает господствующие в стране позитивные убеждения. Это говорит о непонимании массовой психологии. Психолог не имеет права при оценке одного из общественно проведенных действий игнорировать отношение каждого отдельного индивида к окружающему его множеству. Он не имеет права забывать, что Я, чем более убогим и ничтожным оно является, т.е. чем больше большинство, к которому оно принадлежит, тем более оно испытывает потребность запечатлеть себя лично как члена массы. Если выдающаяся личность имеет потребность дать своей душе двигаться в ритме мира, то человек массы, наоборот пытается подстроить под своё отдельное существование гам повседневности, который он называет миром, чтобы любоваться собой, как «личностью». Так, и никак иначе, можно объяснить массовую неврастению, которую вызывает каждое политическое движение, и исход парламентских выборов представляет собой, тем самым, в первую очередь, интерес как статистический материал для неврологов.

В каком процентном отношении распределяются отданные голоса между отдельными партийными группами – смотря психологически, совсем неважно. Человек большинства – это не только тот, кто причисляется к избирателям наконец-то побеждающего кандидата, но каждый, кто пользуется своим правом выбора; т.е. каждый, кто желал бы видеть своё мнение задающим тон для большинства, ибо он считает его (мнение) настолько хорошим, что оно кажется ему пригодным, чтобы быть «нормальным мнением» его современников. Принцип выборов — это довольно демократический принцип. Он тендиру-

ет к выфилтровыванию диагональной воли из народной души. Каждый избиратель, использованием своего права, признаёт этот принцип, принцип уполномочения воли большинства подавлять отдельный самостоятельный индивидуум, подчинять его решениям большинства вышедших из майоризации меньшинств коллективов, делать из каждой личности номер в общей махине и из каждого автономного шевеления – опасность для демократического целого.

Каждый избиратель – это капля того масла, которое смазывает великую машину государства. Что ему разрешено выбирать – это только маслёнка, из которой можно капать в шестерни, и из которой, по размеру сосуда, заливают ещё чуть-чуть слева, ещё чуток справа в аппарат, чей самый самый главный вал функционирует уверенно и точно, не задумываясь над тем, какое из его боковых колёсиков вращается вокруг своей оси быстрее, а какое медленнее. Значит, подача голоса каждого отдельного избирателя имеет такое же значение для хода истории народа, как и дым сигары, примешивающийся в просторах к облаку, для осадков или грозы.

Для психолога все избиратели консервативны. Все они без исключения устремлены вылиться на колёсико, которое поможет могучему государственному колесу двигаться вперёд быстрее. Тем самым они признают необходимость настоящего и ценность его сохранения. Противоположность консервативной партии составляют группы не-избирателей, составляют несколько индивидуалистов, анархистов, художников и скептиков, которые распознают в государственном катке аппарат, служащий тому, чтобы раздавить личность массой, а в каждом его колесе – инструмент для колесования индивидуальности, на которую можно наложить ременную передачу. Они революционны. Их негативное поведение имеет целью при-

интереса, не опровергают. Его перекрикивают, подозревают как мошенника, полицейского осведомителя, наёмника противников лично или, как это недавно случилось со мной на одном большом предвыборном собрании в Мюнхене, на него нападают физически.

Эти, часто наблюдаемые, постоянно повторяющиеся факты, пожалуй, доказывают сказанное мной выше: что массовый человек выбирает не по каким-либо материальным, политическим или идейным причинам, но что выборы являются для него самоцелью. Анархист, нападающий на выборы как таковые, оскорбляет его чувства. С ним нечего дискутировать, он оборванец. . . Народу должна быть сохранена религия. И народу должна быть сохранена возможность, или создана таковая, самовыражаться на стенах сортиров или в избирательных урнах.

Ибо, во-первых, все гражданские идеалы стоят на материальной основе и только уже в политической абстракции идеалистически замутняются, а во-вторых, заинтересованность спорщика в рискуемой сумме так сливается с возбуждением наблюдателя, что она разрастается да действительно воодушевляющего напряжения.

Маленькая проба для примера подтверждает то, что я здесь сказал. Анархистская тактика принципиально отвергает выборы. Она обращается к рабочим с требованием думать исключительно о своей экономической выгоде. Она указывает им на средства борьбы, которыми они могут отвоевать высокие зарплаты и короткое рабочее время, т.е. наибольшую желаемую выгоду: на классовую борьбу и стачку. Она предупреждает их о парламентаризме, который сам по себе поддерживает государство и поощряется как средство тщеславных вождей для эксплуатации рабочих; подчеркивает бесполезность абсолютную безразличность исхода выборов, так как это совсем не важно, кто делает глупости, за счёт которых живёт всякая законность. В Германии уже сорок лет проводятся общие, равные, прямые и тайные выборы, без того, чтобы социализм хоть немного от этого приблизился. Всё это анархистская тактика использует против социал-демократии; всё это я упоминал бесчисленное количество раз на рабочих собраниях. Но получает на социал-демократическом собрании агитатор какой-нибудь другой партии слово, который говорит рабочим: Не выбирайте Мюллера! Выбирайте либерального Майера или антисемита Шульца! – тогда с ним разделяются с мягкой иронией, тогда обосновывают, почему не Майер или не Шульц, но именно Мюллер должен быть избран. Иначе, если говорит анархист. Его, исходящего как раз из материальных интересов рабочих, дискутирующего совершенно по делу, совершенно без личного

вести всю машину в негодность, либо тем, что главная ось, из-за заржавления всех боковых колёсиков, будет вынуждена вращаться собственной деспотичной силой – форма функционирования, которая, в следствие упрощения механизма, куда менее опасна для индивидуума, чем демократическая фабрика оглупления – либо посредством позитивной акции саботажа, т.е. насильственного выведения механизма из строя. Бросить мыло в котёл, аппарат лопнет и его действенность будет уничтожена.

«Революционной» называет себя, конечно, и социал-демократия, партия, для которой массовое внушение, избирательный акт являются священным действием, и которая, по причинам, которые вскоре должны быть рассмотрены, никогда не поймёт, что участие в выборах заключает в себе признание существующего государственного строя и представляет собой, в сущности, антиреволюционную демонстрацию. Были сконструированы мотивировки, от которых волосы дыбом встают, которые должны привести в созвучие революционную тенденцию переустройства государственной сущности с консервативным избирательным актом. Утверждают и верят, что централизация всего смазочного масла в одной толстой маслёнке придаст главному колесу такое ускорение, что оно, вращаясь, увлечёт за собой все боковые и вспомогательные колёса и само по себе превратится в великолепный и универсальный вал, который производит единую идальную кашу из всех граждан государства, являющуюся, вероятно, голубой мечтой каждого неподдельного демократа.

От меня, наверное, не требуется, чтобы я серьёзно опровергал эту идеологическую ахинею. Для меня важно показать, какие глубокие бессознательные причины двигают как раз партией, стремящейся вести за собой массы, и более прочих

вынужденной считаться с инстинктами толпы, к освящению парламентских выборов.

Человек середины, гражданин, производящий доблесть из катастрофы своей одинаковости со всеми массовыми людьми, так же испытывает сильную душевную потребность документировать себя лично. Острее ощущаемое чувство своей собственной незначительности, дремлющее даже в самом ничтожнейшем желание бессмертия, сокрытое влечение, отбросить хотя бы и размытую тень, выгоняет его под лучи солнца. Этим влечением объясняются многие проявления, доставляющие удовольствие маленькому человеку. Если где-нибудь фотографируют дом, тут же у фасада стоит целый ряд поря дочных людей в позах, чтобы тоже попасть на фотографию. Они никогда не увидят своих портретов, фотограф и владелец дома, которые будут разглядывать фото, никогда не узнают, что это за людишки, чьи изображения они держат перед собой, они и думать об этом не будут – но бюргер испытывает удовлетворение, так как его физиономия где-то запечатлена; его стремлению к бессмертию воздано, хотя бы и так убого, должное. Ещё более любимое средство перенести свою сущность в вечность – это написание своего имени в местах, где его прочтёт множество незнакомых людей, на лавочках в охотно посещаемом парке и, прежде всего, на стенах туалетов. Торгового служащего и ученика пекаря, гимназиста и бухгалтера переполняет чувство глубочайшего успокоения, когда он покидает заведение с сознанием того, что он что-то сделал для своей посмертной славы и – будь то поредством росписи или посредством непристойного рисунка или скрабозного стишка – облегчил своей глубочайшей сущности прыжок в вечность. В любом случае, он нашёл более широкое поле резонанса для своего существования, чем оно нашло бы более пристойным

образом.

С этим феноменом и считается социал-демократическое руководство партии; обязано считаться, чтобы иметь за собой массовое движение. Оно должно предоставить своим членам [такую] возможность, именно потому что они должны присягнуть уничтожающей индивидуальность тенденции, почувствовать лично себя важными. С какой гордостью идёт избиратель к урне! Использует своё священное право раз в пять лет торжественно доставить к урне листок с именем другого нуля! Каким необходимым кажется он себе! Его имя занесено в списки избирателей, выкликается публично; он может выступить сам, заявить *coram publico* о принадлежности к своему имени, может даже выбирать между различными листами, представляющими для него убеждения, и он воображает будто крутит штурвал истории. Удовлетворение, которое пробуждает в нём разрисовывание туалетной стены, умножается во время избирательного акта.

Кто верует, что изначальное *causa movens* избирателя – это политический интерес, серьёзная забота об управлении отчизной, тот ошибается. Партийные чувства, как причина участия в выборах, втискиваются почти во всех случаях только потом. Но гражданин не настолько самопсихолог, чтобы понять, что в исполнении своих высочайших прав он следует мелочному тщеславию. Он конструирует уже из действия, которое охотно выполняет, мотив, заставляющий это действие казаться ему весьма торжественным. Он действует, как бледный убийца у Ницше, грабящий им убитых, чтобы иметь в своих глазах повод к убийству. Исход выборов возбуждает избирателя едва ли иначе, чем конец скачек того, кто поставил на определённую лошадь. То, что спорщика интересуют деньги, в то время как избиратель воображает идеальные интересы, не имеет значения.